

УДК 94:316

БК 63.3+60.506

Социологические теории как методологическая основа исторических исследований

И.В. Синова

Санкт-Петербургский государственный экономический университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Sociological Theory as a Methodological Basis of Historical Research

I.V. Sinova

Saint-Petersburg State University of Economics (Saint-Petersburg, Russia)

Статья посвящена анализу использования в условиях интеграции подходов к социальным знаниям и междисциплинарности в качестве основы исторических исследований социологических теорий Э. Дюркгейма, Р. Мертона, П. Бурдьё, которые служат эффективным инструментом и позволяют объективно рассматривать разнообразные объекты действительности. Показано применение учёными теории аномии при анализе политических, экономических и социальных трансформаций для исследования страны в целом и отдельных регионов в период кризисных явлений, революций и войн. Проанализированы пути и формы исследования вопросов повседневной жизни, выявления стиля, действий и мышления людей на основе социологических теорий. Рассмотрены разнообразные подходы к анализу девиантного поведения с точки зрения социологических теорий применительно к повседневным практикам. Показано использование теории П. Бурдьё на исследование влияния городского российского социума на формирование габитуса в процессе воспитания в результате отражения культурного опыта конкретной социальной среды, её религиозных и идеологических установок. На конкретных примерах проиллюстрировано, что социологические теории при исследовании исторических процессов и явлений позволяют расширять, систематизировать и обобщать факты, а также выявлять закономерности развития общества.

Ключевые слова: методология истории, девиантное поведение, габитус, повседневная жизнь, аномия, суициды, социологические теории.

DOI 10.14258/izvasu(2017)2-34

В современной науке в условиях интеграции подходов к социальным знаниям методологический синтез и междисциплинарность широко применяются

The article is devoted to the analysis of the use of terms in the condition of integration of approaches to social knowledge and interdisciplinary study as a basis for historical research of sociological theories of E. Durkheim, R. Merton, P. Bourdieu, which serve as an effective tool and allow one to objectively consider various objects of reality. It shows the scientific use of the theory of anomie in the analysis of political, economic and social transformation to study the whole and individual regions in the period of crisis, wars and revolutions. The analysis is given to the ways and forms of daily life research, the style, actions and thinking of people based on sociological theories. Consideration is given to the variety of approaches to the analysis of deviant behavior from the point of view of sociological theories applied to everyday practices.

The demonstration is made of the use of the theory of P. Bourdieu to the study of the influence of urban Russian society on the formation of habitus in the process of upbringing, by reflecting the cultural experience of particular social environment, its religious and ideological attitudes. Specific examples illustrate that sociological theory in the study of historical processes and events enables one to extend, systematize and generalize the facts, and reveal the regularities in the development of the society.

Key words: methodology of history, deviant behavior, habitus, everyday life, theory of anomie, suicides, sociological theory.

исследователями. В исторических трудах для изучения фактического материала активно используются социологические теории М. Вебера, Э. Фромма,

Э. Дюркгейма, Р. Мертона, Ю. Хабермаса, В. Парето, П. Бурдьё и др.

Крупнейший специалист по социальной истории Н.Б. Лебина, умело и профессионально применяя в качестве методологической основы своих исследований социологические теории, отмечает, что на объективность оценок по ряду проблем советских историков сказывалось не только отсутствие доступа к ряду источников, но и «явная слабость внедрения в процесс исторического познания социальных теорий и, в частности, концепции девиантного поведения» Э. Дюркгейма, Р. Мертона, Г. Зиммеля и др. [1, с. 4]. Особенно это касалось освещения вопросов, связанных с искоренением так называемых пережитков или родимых пятен капиталистического прошлого: пьянства, преступности, проституции, самоубийств [1, с. 5].

И применительно к своим научным интересам Н.Б. Лебина вопрошает: «Логичен вопрос: полезны или бесполезны эти концепции для историков вообще и, в частности, для тех, кто пытается изменить представления о жизни в СССР в 1920–30-е гг.?» [2, с. 7]. Представляется, что ответ на данный вопрос в отношении разных периодов развития общества и ряда проблем будет способствовать не только поступательному развитию научных исследований по социальной истории, но и расширению возможностей в поиске закономерностей и систематизации знаний.

Многочисленные теории объясняют девиантное (отклоняющееся) поведение разными причинами — физиологическими, психологическими, социокультурными, социально-экономическими и другими. В конце XIX — начале XX в. были предприняты попытки объяснения девиантного поведения преимущественно биологическими причинами, т.е. склонность к различным девиациям видели во врожденной предрасположенности человека. Таким образом, основной предпосылкой теорий биологических типов являлось то, что определенные физические черты личности человека определяют совершаемые им отклонения от норм. Среди авторов теории физических типов итальянский психиатр и криминалист Ч. Ломброзо, который в 1870-х гг. создал теорию, объяснявшую причины девиации, прежде всего преступности, рядом анатомических признаков. Он считал, что социальные условия могут влиять на развитие криминального поведения, но при этом большинство преступников являются дегенеративными и умственно отсталыми.

Сторонники психологических теорий отклонения в поведении видят в индивидууме, а не в обществе, и в их основе лежит изучение конфликтов, происходящих внутри сознания личности. Согласно теории З. Фрейда, у каждой личности, кроме активного сознания, существует область бессознательного, т.е. биологическая сущность человека, не изведавшего влияния культуры, из-за чего в данном случае возможно

отклонение от культурных норм, которые вырабатываются социальным окружением индивида. С помощью анализа одного психологического фактора невозможно объяснение сущности девиантного поведения, для этого требуется совокупность совместных действий — психологических, культурных, социальных.

Теория социальной аномии, разработанная Э. Дюркгеймом и Р. Мертоном, является сегодня одной из широко применяемых в качестве основы исторических исследований и служит эффективным инструментарием в изучении истории, позволяет объективно рассматривать разнообразные объекты исторической действительности [3, 4]. Эта теория используется учеными-историками при анализе политических, экономических и социальных трансформаций для исследования страны в целом и отдельных регионов в период кризисных явлений, революций и войн. Н.Б. Лебина в своих работах руководствуется тем, что «вопрос о норме и аномалии тесно связан с исторической антропологией и историей ментальностей, а также с теорией отклоняющегося поведения. Ее квинтэссенцией является концепция аномии» [1, с. 4].

В рамках современной теории аномии исследуются повседневная жизнь, выявляются стиль, действия и мышление людей. На основе анализа современной историографии выясняется, что в условиях аномического состояния российского общества факторы, приводящие к изменению общественной системы, возникают в повседневной жизни. Это способствует перспективному использованию концепции истории повседневности, для которой характерно внимание к внутренним детерминантам человеческого поведения, сформулированным антропологией, а также к социологическим парадигмам.

В соответствии с теорией Э. Дюркгейма аномия возможна в двух измерениях. С одной стороны, она характеризует общество с точки зрения ослабления или отсутствия нормативных стандартов поведения, а с другой — может характеризовать и отдельное лицо, если оно социально дезориентировано, находится в состоянии тревоги и переживает чувство изолированности от общества. С общественной аномией связано наибольшее количество совершенных преступлений и самоубийств. В частности, на основе теории Дюркгейма историками исследованы вопросы суицидов учащихся на рубеже XIX–XX вв. в период аномического состояния российского общества [5–7].

В человеческой истории не существовало социальной системы, которая была бы полностью избавлена от преступлений. Но при этом различные типы обществ значительно различаются по степени девиантности и криминогенности.

По мнению современного российского ученого-социолога Я.И. Гилянского, «социальные девиации, девиантность — это социальное явление, выражающееся в относительно массовых статистически устой-

чивых формах (видах) человеческой деятельности, не соответствующих официально установленным или же фактически сложившимся в данном обществе (культуре, группе) нормам и ожиданиям» [8, с. 28]. Девиантное поведение может принимать множество форм. Среди них алкоголизм, самоубийства, проституция, наркомания, преступность. Существует несколько основных теорий, объясняющих причины девиации, но ни одна из них не дает исчерпывающего объяснения причин отклонений.

Э. Дюркгейм рассматривал социально отклоняющееся поведение и преступность как нормальные явления. Он считал, что если в обществе отсутствует такое поведение, то оно сильно «законтролировано», а также выдвинул и обосновал нестандартную идею о том, что, когда ликвидируется преступность, прекращается прогресс, а ненормальной является лишь чрезмерный или слишком низкий ее уровень. Причины неизбежности и неистребимости преступности, по мнению ученого, не в том, что люди являются слабыми и злыми, а в том, что в обществе существует бесконечное множество самых различных видов поведения. Социолог считал, что даже если социум каким-то образом перевоспитает или уничтожит существующих преступников (воров, убийц, насильников и т. д.), оно будет вынуждено сделать преступными другие деяния, которые раньше таковыми не считались. Это объясняется тем, что преступник представляет собой отрицательную ролевую модель поведения, необходимую для формирования человека как полноценного члена общества.

Такой парадоксальный вывод является довольно спорным, поэтому встретил серьезное противодействие со стороны других ученых. Но его значение заключается в том, что Дюркгейм таким образом объясняет все неудачи, связанные с попытками радикальным образом искоренить преступность.

На разных этапах развития человеческого общества жизнь со сложными взаимоотношениями и утонченной борьбой за существование в большей или меньшей степени создавала условия, толкавшие человека на путь преступления. По мнению Я.И. Гилинского, вне зависимости от исторического периода «основным побудителем всех человеческих действий являются потребности, то, что касается преступных действий, то здесь главным двигателем являются неудовлетворенные потребности или нужда в пище, одежде и пр.» [8, с. 194]. Эти причины являлись первостепенными для преступности и других форм социальных девиаций, в первую очередь в периоды, связанные с аномическим состоянием общества и, следовательно, предметом исследования историков [9].

Французский психолог и социолог Г. Лебон сказал: «Человек всегда поступает соответственно особенностям своей организации и соответственно особенностям той среды, в которой эта организация

функционирует» [10, с. 26]. Историки изучают зависимость сословной и профессиональной принадлежности, оказывавшей влияние на социально-экономический уровень жизни людей, менталитет, образование и повседневность.

Развитие теории Дюркгейма продолжил Р. Мертон, который рассматривал аномию как результат деформации состояния социальной структуры, что побуждает членов общества к отклоняющемуся, девиантному поведению. Предложенная им теория аномии особое внимание уделяет специфике поведения низших слоев, что является основным предметом ее критики со стороны оппонентов, но при этом применительно к ряду исследований представляет определенный интерес и находит непосредственное подтверждение в работах, связанных с трудящимся населением [6]. В российском обществе во второй половине XIX — начале XX в. сравнительно небольшая часть населения принимала одобряемые цели и средства, на поведенческом уровне дети трудящегося населения, их родители, хозяева ремесленных мастерских и другие категории взрослых далеко не всегда использовали институциональные средства их достижения. Р. Мертон утверждает, что основной причиной данной ситуации являются не столько личные пороки, сколько «болезни» социальной структуры, которые сужают пути институциональных средств достижения целей и ограничивают возможности приобретения новых социальных статусов.

В соответствии с теорией Р. Мертона аномия рассматривается как результат деформированного состояния социальной структуры, которая побуждает людей как членов общества к отклонениям в поведении. Анализ состояния социальной структуры проводится через взаимосвязанные переменные, соотносящиеся с целями, определяемыми культурой, и легитимными, институциональными средствами достижения этих целей. Противоречия между целями и средствами, а также их характер и острота, непосредственно влияют на то, принимают ли граждане общественные цели, в какой степени они используют правовые или противоправные средства для их достижения.

Аномия по отношению к отдельной личности искореняет ее моральные устои. При этом личность, и это подтверждает исследование повседневных практик второй половины XIX — начала XX в., лишается чувства преемственности, традиционности, а также всех обязательств, результатом чего является разрушение ее связи с обществом.

Р. Мертон пытался понять, «каким образом социальная структура побуждает некоторых членов общества к несоответствующему предписаниям поведению» [4, с. 118–119]. Данная теория способствует в исторических исследованиях проведению анализа причин и проявлений девиаций населения с учетом их социальной принадлежности.

По мнению Н.Б. Лебиной, «мертоновская идея о рассогласованности между социокультурными целями и легальными способами их достижения как постоянном источнике роста девиантных проявлений дает возможность поставить вопрос о социально-экономическом неравенстве в российском обществе 1920–30-х гг.» [1, с. 6].

Интерес историков к «практической логике» повседневной жизни людей пробудили работы французского социолога П. Бурдьё. Социальные отношения на уровне индивида ученый описывает при помощи понятия «габитус» (*habitus*), который представляет собой совокупность схем восприятия, мышления и поведения, воспроизводимых определенной социальной группой, и из этого индивид выбирает ту или иную стратегию поведения, отвечающую сложившимся жизненным обстоятельствам.

В разработанной П. Бурдьё концепции габитуса содержится попытка решить проблемы соотношения свободы и социальной детерминации в поведении человека. Габитус ученый определяет как «принцип регулируемых импровизаций», представляющий собой совокупность схем восприятия, мышления и поведения, которые воспроизводит определенная социальная группа, и из этого комплекса индивид выбирает для себя стратегию поведения, отвечающую сложившимся жизненным обстоятельствам и определяющую повседневную жизнь.

Важнейшим в теории Бурдьё является то, что индивид может сознательно воздействовать на габитуса, а также и своим габитусом формировать структуру и общество. Некоторые социальные среды делают это активнее, чем другие. К ним относится детство — жизненный этап, когда происходит овладение основными социальными нормами и требованиями, а условия жизни влияют на формирование габитуса, который остается с индивидом всю оставшуюся жизнь [6].

Принципы и понятия, усвоенные в детстве, определяют дальнейшее существование человека. Поэтому социальное происхождение всегда составляет основу габитуса индивида. Однако у всех людей разные способности и возможности в деле извлечения пользы из социального опыта, полученного в годы взросления, соответственно, и в освоении нового в новых

ситуациях, в которых они оказываются. Индивиды с разным социальным происхождением имеют разные возможности для развития нового габитуса и освоения нового опыта.

Использование теории П. Бурдьё помогает понять, что исследование влияния городского российского социума на формирование габитуса в детском возрасте подтверждает идеи социальных антропологов о том, что склонность к агрессии не передается по наследству, а формируется в процессе воспитания, т.е. отражает культурный опыт конкретной социальной среды, ее религиозные и идеологические установки. С их точки зрения, не существует никакой связи между различными историческими формами насилия, ибо каждая из них порождалась своим специфическим социальным контекстом. Жилищная обстановка и все аспекты повседневной жизни влияют на формирование габитуса, который определял всю дальнейшую жизнь человека [11, с. 117; 12].

Американский ученый Джеффри Хасс исследовал повседневную жизнь и гендерные проблемы в блокадном Ленинграде с опорой на понятие «габитус», объясняя это следующим: «Данная проблема гендерной логики и практики выживания в ситуации, когда отчаяние должно способствовать эгоистичной инструментальной рациональности, связано с более широкими вопросами по социологии войны и социологии культуры: ответы на вызовы войны, особенно изменения и преемственность в повседневной логике, рациональности, и практиках; а также проблема действия габитуса (*habitus*) на фоне потрясений и противоречивых стимулов» [12, с. 79]. Использование данной дефиниции позволяет всесторонне рассмотреть повседневную жизнь с точки зрения ее формирования с опорой на внешние факторы, а также влияние повседневности в целом на формирование ментальности жителей блокадного города.

Социологические теории при исследовании исторических процессов и явлений позволяют расширять, систематизировать и обобщать факты, а также выявлять закономерности развития общества. Интеграция научных исследований придает дополнительный импульс расширению и фундаментальности современной исторической науки по разнообразным спектрам проблем.

Библиографический список

1. Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 годы. — СПб., 1999.
2. Лебина Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. — М., 2015.
3. Дюркгейм Э. Самоубийства: социологический этюд. — М., 1994.
4. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура // Социс. — 1992. — № 2.

5. Лярский А. Б. Самоубийства учащихся как феномен системы социализации в России на рубеже XIX–XX веков. — СПб., 2010.
6. Синова И.В. Дети в городском российском социуме во второй половине XIX — начале XX вв.: проблемы социализации, девиантности и жестокого обращения. — СПб., 2014.
7. Синова И.В. Самоубийство детей как социальная проблема на рубеже XIX–XX веков // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А.С. Пушкина. — 2012. — Т. 4. — № 4.
8. Гишинский Я. И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 2-е изд., испр. и доп. — СПб., 2007.
9. Безгин В.Б., Жеребчиков Д.П. Социальные девиации периода российской модернизации в современных исторических исследованиях // Современные исследования социальных проблем: электронный научный журнал. — 2015. — № 5 (49).
10. Гвоздев И. О врожденных и приобретенных свойствах детей как зачатков преступности взрослых. — СПб., 1896.
11. Синова И.В. Русская городская детская повседневность во второй половине XIX — начале XX вв. Историко-антропологический аспект // *Rosyjskie dzieciństwo. Русское детство / pod redakcja Katarzyny Dudy i Andrzeja Dudka.* — Krakow, 2015.
12. Хасс Д. Война и воспроизводство гендерных отношений: случай блокадного Ленинграда // *Маленький человек и большая война в истории России: середина XIX — середина XX в.: материалы международного colloquium / отв. ред. Н.В. Михайлов, Я. Плампер.* (Санкт-Петербург, 17–20 июня 2013 г.). — СПб., 2014.